

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.15593/2224-9389/2018.2.11

И.С. Урманчиева

Получена: 14.03.2018

Принята: 17.04.2018

Опубликована: 30.06.2018

Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Российская Федерация

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ В ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА

Необходимость формирования лингвокультурологической компетенции у студентов и школьников не вызывает сомнений. Изменение научной парадигмы и признание принципа антропоцентризма в исследовании языка побудили преподавателей и методистов учитывать лингвокультурологический аспект в изучении русского языка как родного и как иностранного. Подготовка современного учителя-словесника предусматривает изучение нескольких лингвокультурологических дисциплин. Будущий педагог должен быть готов к формированию соответствующей компетенции у своих учеников. Несмотря на то что основной адресной аудиторией статьи являются преподаватели направления подготовки «Педагогическое образование» и студенты этого направления, материалы могут быть полезны всем преподавателям языковых дисциплин и студентам-гуманитариям. Фразеологический и паремиологический фонд признается наиболее культураносным слоем, без обращения к которому формирование лингвокультурологической компетенции невозможно. В статье, имеющей практикоориентированный характер, предлагается комплекс упражнений и заданий, которые могут стать основой изучения фразеологизмов и паремий с учетом аккумулированной в них национально-культурной специфики (как в русскоязычной, так и в нерусскоговорящей аудитории). Основное внимание в статье уделено таким культурно значимым компонентам фразеологизмов, как зоонимы, соматизмы, числовые обозначения, безэквивалентные или устаревшие слова. Извлечение культурного смысла из пословиц, перифраз, крылатых выражений библейского, мифологического, литературного, исторического, кинематографического характера, а также сопоставление фразеологизмов и паремий неродственных языков чрезвычайно важны в свете межкультурной коммуникации. Предлагаемые задания могут сокращаться, дополняться, корректироваться, наполняться новым дидактическим материалом в зависимости от целевых установок обучения, возраста и лингвистической компетенции обучающихся, но будут служить ориентиром в отборе языкового материала и в выборе подходов к его изучению.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ фразеологизмов, формирование лингвокультурологической компетенции, фразеология, паремиология, соматизмы, зоонимы, числа, перифразы, крылатые выражения, безэквивалентная лексика.

I.S. Urmancheeva

Received: 14.03.2018

Accepted: 17.04.2018

Published: 30.06.2018

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar, Russian Federation

LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS AND PAROEMIAS IN TRAINING OF LANGUAGE AND LITERATURE TEACHERS

A need of formation of linguoculturological competence in school and university students does not raise doubts. The scientific paradigm shift and recognition of the anthropocentrism principle in linguistic research induced teachers and methodologists to consider linguoculturological aspect in learning Russian as a native and a foreign language. Training of a modern language and literature teacher implies a study of several linguoculturological disciplines. A future teacher shall be ready to develop a number of appropriate competences in the pupils. In spite of the fact that the main target audience of the article are teachers and students of the "Pedagogical education" program, materials may be useful to all teachers of language disciplines and students of the humanities. The phraseological and paremiological fund is recognized as the most culture-intense layer without which formation of linguoculturological competence is impossible. Being practice centred, the article offers a set of exercises and assignments which can become a basis for phraseological units and paremias studies, taking into account national and cultural specifics, both for Russian-speaking and foreign language-speaking audiences). The main attention in article is paid to such culturally significant components of phraseological units as animal names, somatism, numerical designations, non-equivalent or obsolete words. Extraction of a cultural sense from proverbs, periphrases, Bible quotes, popular expressions of mythological, literary, historical, cinema origin along with comparison of phraseological units and paremias of unrelated languages are extremely important in the light of crosscultural communication. The offered tasks can be reduced, expanded, adjusted, filled with new didactic material depending on training purposes, age and linguistic competence of students, but will serve as a reference point in selecting language material and choosing approaches to its study.

Keywords: *linguoculturological analysis of phraseological units, formation of linguoculturological competence, phraseology, paremiology, somatism, animal names, numbers, periphrases, popular expressions, nonequivalent words.*

Язык является составной частью культуры, отражает характер исторического и духовного становления народа, рассматривается как результат, продукт культурного развития человека. Преподавание русского языка как родного и иностранного предполагает неизбежное обращение педагога к национально-специфичным языковым единицам, «ментально-лингвальным комплексам».

Будущий учитель-словесник должен учитывать, что национально-культурный компонент в преподавании русского языка становится одним из важных средств развития духовно-нравственного мира школьника, его национального самосознания [1, с. 131]. **Культуроведческий подход** в обучении предполагает приобщение к культуре в широком смысле этого слова, поскольку язык служит основным средством выражения культуры, являясь орудием накопления, хранения и передачи информации [2, с. 7].

За последнее время изданы учебники и учебные пособия по лингвокультурологии, которые знакомят с понятийным аппаратом этой дисциплины

[3; 4; 5; 6; 7; 8 и др.]. Тем не менее рекомендаций по применению теоретического материала еще недостаточно.

Как отмечает В.Н. Телия, именно фразеологический состав языка играет особую роль в трансляции культурно-национального самосознания народа, так как в образном содержании его единиц воплощено культурно-национальное мировидение [9, с. 231]. Для учителя-словесника, в свою очередь, особенно важно, что изучение фразеологизмов на уроках русского языка является одним из средств приобщения к истокам и духовной культуре носителя языка [10, с. 37].

Студенты направления подготовки «Педагогическое образование» (профили «Филологическое образование» или «Русский язык» и «Литература») при изучении дисциплин имеют возможность овладеть навыками лингвокультурологического анализа языковых единиц, познакомиться с разными типами упражнений и заданий, подготовиться применять приобретенные навыки и реализовывать умения в урочной, внеурочной и внеклассной деятельности. Упражнения, составленные для студентов, могут быть адаптированы для детского восприятия. Приведем примеры подобных заданий, дадим рекомендации по их выполнению.

Основное внимание предлагается уделять таким компонентам фразеологизмов, которые выступают в качестве знаков культуры: соматизмам, зоонимам, фитонимам, квантитативам, безэквивалентным и культурно специфическим словам.

Выполняя **первое задание**, студенты вспоминают фразеологизмы со словами-компонентами наименованиями частей тела. Например, работая с соматизмами *рука* и *нога*, студенты приводят фразеологизмы с компонентом-соматизмом *рука*: *правая рука, как без рук, быть под рукой, греть руки, запустить руку во что-либо, ходить по рукам, рука не поднимается, с пустыми руками, руки чешутся, под горячую руку, положила руку на сердце, ударить по рукам* и другие. Рука – это символ власти, права, силы, символ богатства, орудие приобретения материальных благ, причем часто нечестным путем. Многие фразеологические единицы имеют негативную коннотацию [7, с. 135]. Рука через синекдоху заменяет собой человека, часто обозначает помощника, друга. Компонент *рука* имеет символическое значение инструментальности и деятельности вообще [11, с. 126, 128].

Фразеологизмы с компонентом-соматизмом *нога*: *сам черт ногу сломит, как моя левая нога хочет, встать с левой ноги, земля горит под ногами, брать ноги в руки, в ногах валяться, унести ноги, ноги не будет, в ногах правды нет* и другие. В трехчастной композиции внешнего и внутреннего атласа тела *ноги* относятся к нижней части тела человека [11, с. 117–118], а, как известно, в мифологической модели мира *верх* и *низ* – одно из основных противопоставлений [12, с. 660–661]. В некоторых фразеологизмах реа-

лизуется архетип ‘ноги – принадлежность дьявола’ [7, с. 136–137]. Через синекдоху *ноги* также способны обозначать всего человека, однако главная функциональная символика слова *нога* – двигательная [13, с. 475].

Аналогичным способом можно разобрать фразеологизмы с компонентами-соматизмами *голова* (культурное значение: Бог, главное, важное; интеллектуальные способности человека), *глаза* (внимание; знание, опыт; магическая, таинственная сила; обман), *волосы* (охранные функции; вместилище опыта, силы, памяти, воли, здоровья), *нос* (соматизм, заменяющий человека, является знаком границы внутреннего пространства человека; связан с символикой обмана), *губы* (связаны с символикой желания, стремления к чему-либо) *уста*, *язык* (речевая способность человека), *уши* (способность к аудированию; невнимательность, рассеянность, доверчивость), *зубы* (агрессия, животное начало; метонимически связаны с едой, смехом), *ус* (опыт), *пуп* (центр во всех мифологиях и религиях) и др. [см. подробнее: 11; 7; 14].

Во **втором задании** предлагается проанализировать фразеологические единицы, которые соотносятся с числовым кодом культуры, выявить ценностное содержание культурных смыслов, эталонов и стереотипов, которые закреплены за компонентами-числами и сгруппировать их в соответствии с выявленными коннотациями.

Приводятся ФЕ с компонентами-числами. Вообще, *числа* – это класс знаков, описывающий мифологическую модель мира: *три* сферы вселенной (небо, земля, преисподняя), *четыре* стороны света, *пять* основных стихий, *семь* – воплощение космической целостности, включая временные (7 дней недели), астральные (7 планет) и культовые совокупности (7 богов пантеона в восточнославянской и других традициях) [см. подробнее: 12].

Коротко продемонстрируем примерное содержание результатов исследования на примере числовых компонентов *один*, *первый*. Единица – исток всего множества, центр, Бог, солнце. Ю.С. Степанов отмечает отсутствие особого числительного *один* в системе счета многих языков, и в частности индоевропейских, что объясняется типологией счета: собственно исчисление предметов начинается с *двух* [15, с. 517–519]. Число *один* тесно связано с идеей единения, единства, одного целого [14, с. 494]. По наблюдениям культурологов, все *первое* так или иначе оказывается связанным с жертвой, в качестве которой используют *первые* овощи и плоды, *первых* животных в приплоде, *первые* самостоятельные изделия ребенка [16, с. 398]. Анализ фразеологизмов с компонентами *один*, *первый* позволяет выявить такие культурные коннотации, символы и стереотипы, как ‘одиночество’ (*один как перст, один в поле не воин*), ‘начало’ (*первый блин комом, первая ласточка*), ‘одновременность, единомыслие’ (*в один голос*), ‘единство, сходство, идентичность’ (*вставить в один ряд, из одного теста, стричь под одну гребенку, одного поля ягоды, одним миром мазаны, дудеть в одну дудку*), ‘единичность, однократность’

(за один присест), ‘моментальность’ (в один миг), ‘первоисточник’ (из первых рук), ‘главенство, исключительность, важность’ (в первую голову), ‘превосходство над другими’ (звезда первой величины, играть первую скрипку).

Аналогичным образом анализируются фразеологизмы со словами-компонентами *два, второй, три, третий, четыре, пять, пятеро, семь, седьмой, семеро, сто, сотый*.

Два, второй: в два счета, в двух словах, в двух шагах, гоняться за двумя зайцами, два сапога пара, как две капли воды, меж двух огней, просто как дважды два, две стороны одной медали, палка о двух концах, на два фронта, от горшка два вершка; раз, два и обчелся; двум смертям не бывать, а одной не миновать; вторая молодость, второе дыхание, второе пришествие.

Три, третий: в трех шагах, в три глотки, в три горла, в три погибели, в три ручья, в три шеи, видеть на три аршина под землей, за троих, заблудиться в трех соснах, наврать с три короба, до третьих петухов.

Четыре: в четырех стенах жить; идти на все четыре стороны.

Пять, пятеро: без пяти минут; пятая спица в колеснице; нужен, как собаке пятая нога; есть за пятерых.

Семь, седьмой, семеро: за семь верст киселя хлебать; за семью замками; тайна за семью печатями; семь пятниц на неделе; семь бед – один ответ; семи пядей во лбу; седьмая вода на киселе; у семи нянек дитя без глазу; до седьмого колена; до седьмого пота; семеро одного не ждут.

Сто, сотый: сто лет в обед; во сто крат; давать сто очков вперед; не имей сто рублей, а имей сто друзей; в сотый раз].

При выполнении **третьего задания** студенты знакомятся с результатами сравнительного анализа русских и японских фразеологизмов (характеризующих человека) с компонентом-зоонимом, проведенного Огава Марико (2005) [в кн.: 5, с. 72–79], и отвечают на вопрос о том, как представлено описание и видение действительности в языковой картине мира неродственных языков.

Сравнению подвергаются фразеологические единицы (ФЕ), имеющие сходное значение в двух языках, но использующие разные названия животного (рус. как хамелеон = яп. *меняется как кошачьи глаза; как с гуся вода = брызгать водой в морду лягушки; отогреть змею на груди = собственная собака укусила; старый волк = старый барсук*), ФЕ, совпадающие по семантике и образности (рус. как мышь в мышеловке = яп. *мышь в мешке; слепая курица = птичьих глаза; работать как лошадь = лошадиный труд*), и безэквивалентные ФЕ.

Результаты анализа безэквивалентных фразеологизмов показывают, что в русском языке, например, за компонентом-зоонимом *собака* закрепились такие культурные коннотации, как ‘голод’, ‘ощущение холода’ (*голодный как собака, замерз как собака*), ‘верность’ (*верный как пес*), ‘злоба’ (*злой как собака*); в японских фразеологизмах образу *собаки* соответствуют коннотации

‘жалости’, ‘тоски’ (*у кого-либо собачьи глаза, собачий вой*). В русских фразеологизмах частотен образ *свиньи*, реализующий культурные смыслы ‘грязь, неряшливость’ (*жить как свинья*); ‘непонимание’ (*разбирается как свинья в апельсинах*), ‘бескультурье’ (*напиться как свинья*). Японские фразеологизмы используют образ *тигра* для трансляции культурного смысла ‘опасность’ (*наступить на хвост тигра, бумажный тигр*).

Четвертое задание связано с выбором пословиц, которые, по мнению студентов, отражают основные черты русского национального характера, представления русского народа, специфику русского мироустройства и отношения к жизни. Необходимо объяснить свой выбор.

Приводится около 40 пословиц (например: *была бы шея, а хомут найдется; в Москве толсто звонят, да тонко едят; до бога высоко, до царя далеко; жалует царь, да не жалует псарь; и комар лошадь свалит, коли волк пособит; кобыла с волком тягалась, только хвост да грива осталась; матушка рожь кормит всех сплошь, а пшеничка по выбору; народ без грозы, что конь без узды; незванный гость хуже татарина; и кости по родине плачут; не подмажешь – не поедешь; русский человек задним умом крепок* и др. [пословицы приводятся по: 17]), представляющих собой информативные инварианты морально-ценностных суждений, подвергаемые образному лексическому оформлению [6, с. 257].

Сначала студенты (а затем, в свою очередь, они могут предложить такое задание своим ученикам) выбирают пословицы, отражающие специфику русского взгляда на мир, хотя, несомненно, можно охарактеризовать и универсальные общечеловеческие морально-нравственные установки и ценностные приоритеты. Например, пословица *авось да как-нибудь до добра не доведут* содержит русские национальные концепты «авось», «как-нибудь», которые обуславливают непредусмотрительность в поведении, привычку полагаться на счастливое стечение обстоятельств, а не на свои рациональные, прагматичные, спланированные действия. Сходный смысл реализуют пословицы *в дождь избы не кроют, а в ведро и сама не каплет; пока гром не грянет, мужик не перекрестится*. Эти черты русского национального характера Анна Вежбицкая назвала иррациональностью и неагентивностью [18, с. 332–388]. Пословицы *от трудов праведных не наживешь палат каменных; богатому телята, бедному ребята* отражают негативное отношение русских к богатым и богатству, которое, по нашему стереотипному представлению, не может быть нажито честным путем. Паремия *гладко было на бумаге, да забыли про овраги* осуждает общечеловеческую (особенно, впрочем, отличающую именно русских) склонность теоретизировать, отрывать от реальной жизни и практической возможности исполнить задуманное (близкий ментальный посыл в пословице *закон что дышло: куда повернул, туда и вышло*). Негативные стороны приоритета общего над индивидуальным, свойственного русскому мировоз-

зрению, воплотились в пословицах *лес по дереву не плачет, лес рубят – щепки летят*. Непредсказуемость русских дорог и путешествий по России нашла отражение в паремии *едешь на день, хлеба бери на неделю*. А пословица *что русскому здорово, то немцу смерть* прямо противопоставляет русским представителей других народов, которые имеют иные обычаи, иной взгляд на мир, которые не всегда могут понять особенности русского поведения. Аналогичным образом и даже гораздо подробнее можно разобрать все пословицы, но лучше все-таки дать возможность учащимся самим выбрать паремии, наиболее точно отражающие ту или иную черту русского национального характера.

В пятом задании требуется познакомиться с лаосскими и китайскими пословицами, приведенными в книге О.А. Корнилова «Языковые картины мира» (2011), и подобрать русский эквивалент. При этом сравнивается внутренняя форма (образ, положенный в основу номинации) русских и нерусских пословиц, устанавливаются сходства и различия:

1. Лаосские пословицы.

Всякая птица лети к своему гнезду (студенты подбирают русский эквивалент *в гостях хорошо, а дома лучше*).

Крокодил крокодила не обидит (рус. *ворон ворону глаза не выклюет*).

Куда вода, туда и рыба (рус. *плыть по течению*).

Непойманную рыбу не продают (рус. *не надо делить шкуру неубитого медведя*).

Спешу черпать воду, пока она прибывает (рус. *куй железо, пока горячо*).

2. Китайские пословицы.

Стыдно бросать камень вслед упавшему в колодезь (рус. *лежащего не бьют*).

Бесполезно гнать утку на шест (рус. *ждать от быка молока*).

Резать курицу на устрашение мартышке (рус. *бей своих, чтобы чужие боялись*).

Без ветра волны не поднимаются (рус. *нет дыма без огня*).

Принимать за солдат траву и кустарник (рус. *пуганая ворона и кустика боится*).

Въезжая в чужую страну, спроси о запретах (рус. *в чужой монастырь со своим уставом не ходят*).

В бумажном пакете не удержишь огня (рус. *шила в мешке не утаишь*).

*Приводится только несколько примеров, большое количество паремий приведено в [6, с. 256–275].

Выполняя это задание, учащиеся отмечают, как инварианты смыслов морально-ценностных суждений кодируются образными системами разных языков.

По наблюдениям О.А. Корнилова, отличия между восточными и русскими пословицами заключаются, во-первых, в образном основании (лаосское и китайское языковое сознание апеллирует в основном к природе, диким живот-

ным; русское языковое сознание чаще обращено к бытовым сюжетам, среди животных преобладают домашние), во-вторых, в стилистической окрашенности (восточные пословицы тяготеют к возвышенному стилю, к поэтичности; стилистика русских идиологем сниженная, многие отмечены иронией, откровенной насмешкой или сарказмом, избылируют просторечной лексикой), в-третьих, в прагматических установках (восточные пословицы стремятся впечатлять неспешной манерой изложения метафоры, красотой созданного образа; русские стремятся привлечь внимание остроумием, отсутствием назидательности, узнаваемостью персонажей в повседневной жизни) [6, с. 256–275].

В шестом задании студенты определяют денотаты приведенных перифраз, анализируют образ, лежащий в их основе, устанавливают признаки денотатов, актуализированных в перифразах, определяют механизмы создания перифраз. Формулируется вопрос: почему некоторые перифразы соотносятся с несколькими денотатами?

Акулы пера, алюминиевая птица, белая смерть, белое золото, благородный металл – желтый дьявол, бог войны, братья наши меньшие, Вечный город, водная артерия, Всемирная паутина, второй хлеб, гимнастика ума, гроза морей, железный конь, застывшая музыка, зеленое море – легкие планеты, князь тьмы, корабль пустыни, корень жизни, напиток бодрости, невеста Христова, однорукий бандит, подруга жизни, презренный металл, северный виноград, страж порядка, страна восходящего солнца, третий Рим, фабрика грез, хозяин тайги, черное золото.

При выполнении этого упражнения следует обратить внимание на несколько аспектов. Прежде всего на механизмы создания образов: метафору (*алюминиевая птица, северный виноград*), метонимию (*белая смерть, железный конь, презренный металл*), синекдоху (*акулы пера*), оксюморон (*фабрика грез*), использование гиперонимов (*Вечный город, напиток бодрости, страна восходящего солнца*) и цветообозначений (*черное золото, зеленое море, желтый дьявол*). Важно отметить, что в создании образной основы перифраз принимают участие разнообразны метафоры: зооморфная (*Всемирная паутина*), природно-ландшафтная (*зеленое море*), предметно-вещная (*корабль пустыни*), растительная (*северный виноград*) и др. Немаловажное значение в формировании образной основы перифраз имеет принцип антропоцентризма (*водная артерия, однорукий бандит, легкие планеты*). Следует обратить внимание учащихся на библейско-мифологические образы (*желтый дьявол, князь тьмы, невеста Христова*), на культурные доминанты (*второй хлеб*, где хлеб – жизненно важный продукт питания, эквивалент пищи в целом), архетипические представления (*железный конь*: очень долго человек перемещался на лошади), исторические факты (*третий Рим*: перифраза, основанная на теории XV–XVI веков, согласно которой Москва как политический и церковный центр провозглашалась преемником Рима и Кон-

стантинополя [19, с. 211]). Лингвокультурологический анализ перифраз предполагает апелляцию к первоисточнику, если авторство описательного оборота установлено (*братья наши меньшие*: приписывается С.А. Есенину, но, вероятнее всего, восходит к Библии [13, с. 67]; *застывшая музыка (архитектура)*: приписывается Гете, но принадлежит Шеллингу; *Вечный город*: впервые так назвал Рим римский поэт Тибулл [13, с. 158]).

Седьмое задание предполагает объяснение значений устаревших или редких слов в составе фразеологизмов:

Бить *баклуши*; косая *сажень* в плечах; семи *пядей* во лбу; попасть *впросак*; коломенская *верста*; *баши* на баш; от горшка два *вершка*; будто *аршин* проглотил; не было *гроша*, да вдруг *алтын*; ни за какие *коврижки*; закон что *дышло*: куда повернул, туда и вышло; не по Сеньке шапка, не по Тришке *кафтан*; мелкая *сошка*; держать под *студом*; *тютелька* в тютельку; *турусы* на колесах; гол как *сокол*; седой как *лунь*; глухая *тетеря*; с *жиру* беситься; не щадя *живота*.

В ходе упражнения студенты выясняют, какую роль такие слова играют в создании фразеологического образа и соотносятся ли друг с другом внутренняя форма ФЕ и фразеологическое значение. Обучаемые также отвечают на вопрос о том, нужно ли объяснять школьникам значение непонятных компонентов фразеологизма. Проанализированные слова объединяются в тематические группы.

Объяснение устаревших или редких слов, входящих в состав фразеологизмов, безусловно, дает возможность учащимся понять этимологический образ, лежащий в основе идиомы. Анализ должен сопровождаться лингвокультурным комментарием. Значительный интерес представляет собой ряд лингвокультурем с общим значением меры (русская метрология) [4, с. 125]. Так, в приведенных фразеологизмах представлены старинные наименования русской денежной системы (*грош* ‘2 копейки’, *алтын* ‘3 копейки’), линейные меры (*сажень* ‘2,134 м’, *пядь* ‘расстояние между большим и указательным пальцами’, *верста* ‘1,06 км’, *вершок* ‘4,4 см’, *аршин* ‘0,71 м’). Понимание значений метрологических лексем способствует разгадыванию образов, основанных на гиперболе (косая *сажень* в плечах, семи *пядей* во лбу, коломенская *верста*, будто *аршин* проглотил) или литоте (от горшка два *вершка*). Традиционные русские занятия, промыслы, особенности быта, реалии жизни наших предков и даже исторические факты можно обсудить при анализе слов *баклуши* ‘чурки для выделки мелких изделий’, *просак* ‘канатный, веревочный стан, на котором в старину сучили веревки’, *коврижка* ‘пряник, обычно на меду’, *дышло* ‘в парной запряжке: толстая оглобля, прикрепляемая к середине передней оси повозки’, *кафтан* ‘старинная мужская долгополая верхняя одежда’, *мелкая сошка* ‘небольшая и бедная крестьянская община, затем бедный и бесправный член такой общины’, *турусы* ‘осадные башни из бревен, которые перекачивались на низких и толстых деревянных колесах’, *сокол* ‘старинное стенобитное орудие из чугуна или железа в форме длинного и

толстого бревна или бревно, окованное металлом'. Например, идиома *попасть впросак* напоминает об обычаях старых русских прядильщиков, канатных мастеров: *просак*, представлявший собой сложную сеть веревок, тянувшихся от прядильного колеса до саней, располагался обычно на улице; для прядильщика попасть в такой стан одеждой или бородой означало лишиться и того и другого, а порой и жизни [13, с. 124]. Выражение *турусы на колесах* отсылает нас к историческим событиям монголо-татарского нашествия, когда во время осады средневековых городов наряду со стенобитными орудиями и метательными машинами использовались *турусы* – осадные башни из бревен [13, с. 702].

Многие слова, сохранившиеся только как компоненты фразеологизмов, напоминают нам о богатой, уходящей корнями в глубокое прошлое русской истории, о многочисленных контактах с другими племенами и народами, об обширности наших территорий, на которых использовались в прошлом да и сейчас используются региональные диалекты. Так, слово *баи* в тюркских языках означает 'голова' [20, с. 17]. Лексема *тютелька* – уменьшительное от диалектного *тютя* 'удар, попадание' напоминает о столярных работах: выражение *тютелька в тютельку* первоначально означало точное попадание топором в одно и то же место [13, с. 704]. Выражение *под спудом* восходит к церковнославянскому тексту Нового Завета [13, с. 663]. Во фразеологизме *глухая тетеря* также используется областное название тетерева, а в компаративной конструкции *седой как лунь* упоминается народное название птицы из семейства соколиных, некоторые виды которой окрашены в пепельно-серые цвета и издали кажутся белесыми [13, с. 402].

В качестве компонентов фразеологизмов употребляются не только историзмы, но и архаизмы, в том числе лексико-семантические: *жир* – 'богатство, имущество', *живот* 'жизнь', – а это напоминает нам о долгих веках развития и становления русского языка, о языке наших предков (древнерусском).

Формированию лингвокультурологической компетенции, установлению метапредметных связей, а также общему культурному развитию учащихся способствует изучение такой темы, как «Генетическая память крылатых выражений и афоризмов», в рамках которой можно предложить установить мифологический или библейский источник афоризмов (*прометеев огонь, муки Тантала, кануть в Лету, между Сциллой и Харибдой; зарывать талант в землю, блудный сын, вавилонское столпотворение, ноев ковчег* и др.). Причем рекомендуется не только давать современное толкование устойчивому обороту, но и пересказывать мифологический или библейский сюжет, пояснять непонятные слова, сопровождать рассказ иллюстрациями известных художников. Аналогично можно выполнить задания по афоризмам, принадлежащим или приписываемым историческим личностям (*Платон мне друг, но истина дороже; разделяй и властвуй; пришел, увидел, победил; мертвые сраму не*

имут; формально правильно, а по сути издевательство и др.), по крылатым фразам из отечественных и зарубежных литературных произведений (*и дым отечества нам сладок и приятен; демьянова уха; как живой с живыми говоря; науки юношей питают; рыцарь печального образа; неладно в Датском королевстве* и др.), а также по выражениям кинематолога – устойчивым фразам кино, мультипликации и телевидения (*в Багдаде все спокойно; а мне летать охота; мы за ценой не постоим* и др.).

Завершить изучение темы «Культурно-языковая память фразеологизмов, пословиц, поговорок» предлагается выполнением комплексного лингвокультурологического анализа фразеологизмов в соответствии с методикой, разработанной В.Н. Телией и ее учениками. Приведем пример такого анализа.

В восьмом задании фразеологизмы анализируются с лингвокультурологической точки зрения. Студенты пытаются обнаружить зашифрованные во фразеологизмах коды культуры, определить, к каким базовым архетипическим оппозициям они восходят, какие древнейшие формы осознания мира презентуют:

Как снежный ком, из кожи лезть, звезд с неба не хватает, до последней капли, в цвете (расцвете) лет, без задних ног, базарная баба, без царя в голове, ни пуха ни пера, ни рыба ни мясо, первый блин комом, перемывать косточки, копаться в грязном белье, пугало (чучело) огородное, как за каменной стеной, из одного теста, идти в гору, уши вянут, танцевать от печки, сон в руку, скатертью дорога, из грязи в князи, владеть собой, дойная корова, замкнутый круг.

Продемонстрируем краткий лингвокультурологический анализ фразеологизма *базарная баба*.

1. Фразеологизм реализует пространственный (*базарная*) и антропный (*баба*) код культуры.

2. Представлены архетипические оппозиции «мужчина – женщина», «хороший – плохой».

3. В основе фразеологизма лежит метафора уподобления грубого, невоспитанного, крикливого человека торговке на базаре (наиболее характерными особенностями базара являются *громкий крик* для привлечения внимания большого количества людей, *умение торговаться*, то есть продавать товар на наиболее выгодных для себя условиях). Для создания образа немаловажное значение имеет социальный статус торговки – человека, по стереотипным представлениям, невысокого образовательного ценза. Компонент *базарный* символически осмысляется как ‘непристойный, площадной’. Просторечное слово *баба* ‘женщина из простонародья’ способствует формированию образа грубого, неотесанного, вульгарного человека.

4. Аллитерация звука *б* придает дополнительную выразительность.

5. Во фразеологизме реализуется стереотипное представление о мужчине и женщине: *женщине* приписываются сильные эмоциональные проявления, не-

логичность, склонность к мелким интригам, сплетням; *мужчине* – ум, последовательность, рациональность, благородство. Употребление оборота по отношению к мужчине – более сильная отрицательная оценка [14, с. 27].

Рассмотрение фразеологизмов и паремий предоставляет обширные возможности для формирования культурологической компетенции. Предложенные задания можно упрощать, усложнять, наполнять новым дидактическим материалом, главное – при изучении лингвистической составляющей фразеологических единиц не забывать о том, что устойчивые образные выражения – неисчерпаемый источник сведений о культуре, истории, мифологии, традициях русского народа, включенного в большую общечеловеческую семью.

Список литературы

1. Быстрова Е.А. Культуроведческая функция русского языка в системе его преподавания // Обучение русскому языку в школе / под ред. Е.А. Быстровой. – М.: Дрофа, 2004. – С. 131–156.
2. Воителева Т.М. Русский язык: программа для 10–11-х классов: среднее (полное) общее образование (базовый уровень). – М.: Академия, 2010. – 32 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 288 с.
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология: монография. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 336 с.
5. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология: теория и практика. – СПб.: МИРС, 2009. – 291 с.
6. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учеб. пособие. – 3-е изд. испр. – М.: Изд-во КДУ, 2011. – 350 с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 3-е изд., испр. – М.: Академия, 2007. – 208 с.
8. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учеб. пособие / под ред. В.Б. Бондалетова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 184 с.
9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
10. Юсупова З.Ф. Компетентностный подход к обучению русскому языку в школе. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 68 с.
11. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
12. Мифология: энциклопедия: репринт / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 2008. – 736 с.
13. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 926 с.
14. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 784 с. – (Фундаментальные словари).

15. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
16. Байбурун А.К. Первое в традиционных представлениях восточных и южных славян // Балканские чтения 1. Симпозиум по структуре текста. – М.: Изд-во Ин-та славяноведения и балканистики АН, 1990. – С. 97–99.
17. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 9-е изд., стер. – М.: Русский язык, 2002. – 544 с.
18. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.
19. Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.: Медиа, 2007. – XVII, [III]; 331 с.
20. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. – 4-е изд., стер. – М.: Дрофа, 2001. – 368 с.

References

1. Bystrova E.A. Kul'turovedcheskaia funktsiia russkogo iazyka v sisteme ego prepo-davaniia [Cultural function of Russian in the system of teaching it]. *Obuchenie russkomu iazyku v shkole*. Moscow, Drofa, 2004, pp. 131–156.
2. Voiteleva T.M. Russkii iazyk: programma dlia 10-11 klassov: srednee (polnoe) obshchee obrazovanie (bazovyi uroven') [Russian: training program for 10–11 forms: secondary (full) general education (basic level)]. Moscow, Akademiia, 2010, 32 p.
3. Alefirenko N.F. Lingvokul'turologiia: tsennostno-smyslovoe prostranstvo iazyka: ucheb. posobie [Cultural linguistics: valuable and semantic space of language]. Moscow, Flinta, Nauka, 2012, 288 p.
4. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologiia [Cultural linguistics]. Moscow, RUDN, 2008, 336 p.
5. Zinov'eva E.I., Iurkov E.E. Lingvokul'turologiia: teoriia i praktika [Cultural linguistics: theory and practice]. Saint Petersburg, MIRS, 2009, 291 p.
6. Kornilov O.A. Iazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov [Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities], Moscow, KDU, 2011, 350 p.
7. Maslova V.A. Lingvokul'turologiia [Cultural linguistics]. Moscow, Akademiia, 2007, 208 p.
8. Khrolenko A.T. Osnovy lingvokul'turologii [Fundamentals of cultural linguistics]. Moscow, Flinta, Nauka, 2004, 184 p.
9. Teliia V.N. Russkaia frazeologiia. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatical and linguoculturological aspects]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury, 1996, 288 p.
10. Iusupova Z.F. Kompetentnostnyi podkhod k obucheniiu russkomu iazyku v shkole [Competence-based approach to teaching Russian at school]. Kazan, Kazan University, 2015, 68 p.
11. Gudkov D.B., Kovshova M.L. Telesnyi kod russkoi kul'tury: materialy k slovari [Corporal code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow, Gnozis, 2007, 288 p.

12. Mifologiya: entsiklopediya [Mythology: encyclopedia]. Ed. E.M. Meletinskii. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediya, Drofa, 2008, 736 p.

13. Birikh A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Russkaia frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar' [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. Ed. V.M. Mokienko. Moscow, Astrel', AST, Khranitel', 2007, 926 p.

14. Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii [Big phraseological dictionary of Russian. Meaning. Use. Culturological comment]. Ed. V.N. Teliia. Moscow, AST-PRESS KNIGA, 784 p.

15. Stepanov Iu.S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury [Constants: Dictionary of the Russian culture]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2004, 992 p.

16. Baiburin A.K. Pervoe v traditsionnykh predstavleniiakh vostochnykh i iuzhnykh slavian [The first in traditional representations of eastern and southern Slavs]. *Balkanskie chteniia 1. Simpozium po strukture teksta*. Moscow, Institute for Slavic studies, 1990, pp. 97–99.

17. Zhukov V.P. Slovar' russkikh poslovits i pogovorok [Dictionary of the Russian proverbs and sayings]. Moscow, Russkii iazyk, 2002, 544 p.

18. Vezhbitskaia A. Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty [Semantics universals and basic concepts]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur, 2011, 568 p.

19. Novikov A.B. Slovar' perifrasy russkogo iazyka (na materiale gazetnoi publitsistiki) [The dictionary of Russian periphrasis (on material of newspaper journalism)]. Moscow, Russkii iazyk, Media, 2007, XVII, [III], 331 p.

20. Shanskii N.M., Bobrova T.A. Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: Proiskhozhdenie slov [School etymological dictionary of Russian: Origin of words]. Moscow, Drofa, 2001, 368 p.

Сведения об авторе

УРМАНЧЕЕВА Ирина Серафимовна

e-mail: isurman@rambler.ru

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Российская Федерация)

About the author

Irina S. URMANCHEEVA

e-mail: isurman@rambler.ru

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dept. of the Russian Philology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)